

ЖАН-ЖАК РУССО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИЛИПУТА

дин из славных людей XVII века — некто д-р Лэмюэл Гулливер — вынужден был провести несколько лет в стране лилипутов, которых он шокировал как своим неприлично огромным ростом, так и своими воззрениями. Конечно, читатель помнит, как лилипутские ученые мужи и государственные деятели поучали бедного доктора правилам поведения в Лилипутии и кое за что снисходительно одобряли его, признавая, однако, что к уровню подлинно лилипутской жизненной и политической мудрости корабельному врачу Гулливеру никогда не приблизиться...

Об этом я вспомнил, читая в парижском еженедельнике «Ар» довольно развязную статейку г-на Жилля Делёза, которая называется «Жан-Жак Руссо — предшественник Кафки, Селина и Понжа». Как, спросят меня, г-н Делёз всерьез утверждает, что может существовать и такая точка зрения на Руссо? Да, как видите.

Жилля Делёза нельзя упрекнуть во враждебном отношении к великому французскому писателю. Нет, принеся лесенку и по ней взобравшись повыше, Делёз поощрительно хлопывает Руссо по плечу: «Вы были добрый малый, Жан-Жак, и хотя, конечно, вам далеко до нас, но все же пересчитывать вас небезынтересно».

Согласимся с Делёзом, что читать Руссо полезно и человеку двадцатого столетия. Отпразднованная в конце июня двухсотпятидесятая годовщина со дня рождения Руссо дала повод к тому, чтобы вновь ощутить величие его художественного гения, смелость его философской мысли, остро-

ту его диалектики, резкость и прямоту его политических суждений. Конечно, в эти дни мы еще раз ощутили и трагедию великого художника и мыслителя, его противоречивость, о которой он сам так много и искренне говорил. Гневный голос Руссо, звавший человечество к борьбе за справедливое социальное устройство, и на этот раз — в середине двадцатого века — прозвучал как голос титана, предвидевшего близость гигантских исторических битв, разгоревшихся вскоре после его смерти и преобразовавших мир. Руссо был одним из тех гениев, чья деятельность подготовила французскую буржуазную революцию; но тем больше чувствуешь значение этого пророка близящейся революции, когда убеждаешься, что и сегодня его пламенные слова, его неотразимая логика служат человечеству.

Не это увлекло в Руссо г-на Делёза. Он принадлежит к числу тех критиков, которые прежде всего ищут в писателе-классике плоских параллелей с современностью и находят их вовсе не потому, что параллели действительно существуют, а потому, что нужные этим критикам параллели навязываются читателю, конструируются посредством более или менее ловких спекуляций понятиями и словами.

Так, например, читая Жан-Жака Руссо, г-н Делёз вспоминает Кафку.

Кафка, австрийский писатель нашего века, почти не известный при жизни, был широко разрекламирован модернистской критикой вскоре после окончания второй мировой войны. Его странные повести и романы — причудливое, ирреальное изображение уродливой австрийской действительности. Сквозь их сложную, подчас очень запутанную художественную ткань просвечивают мучительные психологические ситуации, отвратительные образы мещанского мира, бесчеловечие и жестокость буржуазного общества XX века; в его условиях мучился Кафка, против них он протестовал.

Существуют различные мнения о Руссо, но что общего между ним и Кафкой — несчастным талантливым безумцем, отравленным спертой атмосферой гнилой двуединой монархии, пражского гетто, мещанской семьи, ставшей для него неким микрокосмом несправедливостей, царящих во всем огромном мире? Делёз утверждает, что у Руссо и у Кафки есть некая общая комическая сторона: оба они — сатирики, хотя, быть может, и сами того не понимают; оба они — борцы против «конформизма».

О да, Руссо боролся против того «конформизма», который был присущ людям, заключавшим сделку с совестью и с французским «старым режимом». Разрушительная критика Руссо была направлена против оплотов старого французского общества. Однако в каких формах шла борьба Руссо против трусливых приверженцев старого общественного строя, какие разнообразные и могучие чувства будила она в читателях — и не только в эпоху Руссо, но и позже! И можно ли считать, что г-н Делёз прав, когда он заявляет, что выдуманное им «правило» — «Кафкой восхищаешься лишь тогда, когда смеешься, читая его» — применимо к «Новой Элоизе», «Эмилю» или «Исповеди» Руссо? Конечно, каждое столетие, даже каждая эпоха внутри одного столетия находит в великом художнике и мыслителе прошлого что-то новое. Но что выискал в Руссо г-н Делёз?

Французский писатель Луи Селин, автор известной своим цинизмом книги «Путешествие на край ночи», в дальнейшем прислуживавшийся к профашистским кругам во Франции и в их интересах написавший злобонную книжонку «Мелочи для погрома», появляется в том разделе статьи г-на Де-

лёза, который высокопарно называется «Материализм мудреца».

Но при чем же здесь Селин? Бездельник и сноб Бардаму, герой его книги, может считаться материалистом разве только в том смысле, что он продает себя за любую валюту, а если ее нет — то и за любые материальные блага, поставляемые ему, главным образом, сердобольными дамами. Болтаясь по Европе и США, Бардаму якобы изучает «мир меж двух войн»... К этому и сводится содержание книги Селина. Сложный и увлекательнейший для серьезного изучения вопрос о материалистической линии философии Руссо г-н Делёз не очень ловко сводит к мысли о том, что Руссо — один из величайших эгоистов своего времени. «Материализм» Руссо, оказывается, кроме того, выражается в том, что в жизни Руссо огромную роль играло... состояние его организма. Подтасовывая тексты Руссо, г-н Делёз уверяет читателя, будто Руссо «сам объясняет, что болезнь мочевого пузыря явилась главным фактором в его великой моральной реформе»... Г-н Делёз уверяет, будто «Руссо рассказывает о своих ушных заболеваниях с таким же юмором, какой позднее был присущ Селину». Селину был присущ юмор висельника, циническая ухмылка над всем, что свято для людей. Как надо низко пасть, чтобы утверждать, что «юмор Руссо» то же, что и «юмор Селина»!

Истолковав Руссо как юмориста, предшествующего в развитии французской литературы Селину, г-н Делёз далее сообщает, что юморист и эксцентрик Руссо отличался огромным «вкусом к вещам». Самое возникновение «Общественного договора» Делёз объясняет как результат стараний Руссо «восстановить естественные связи с вещами». «Подлинное педагогическое исправление человека, — восклицает Делёз, развивая свою мысль и втягивая в ее омут «Эмиля», — заключается в том, чтобы подчинить отношения между людьми отношениям человека к вещам». Вот, оказывается, что заботило Руссо главным образом, когда он писал свои трактаты о собственности и об идеальном социальном строе! Я думаю, что туманные словеса г-на Делёза о «людях» и «вещах» играют роль дымовой завесы, при помощи которой автор пытается

Р. САМАРИН
ЖАН-ЖАК РУССО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ЛИЛИПУТА

закрывать беспощадно острое содержание критики Руссо, направленной против собственничества.

Сообщив это наблюдение, Делёз в скобках делает забавный фортель: в исследованиях Франсиса Понжа, добавляет он, есть «что-то от Руссо».

Позвольте, но что такое это эlegantное «что-то», связывающее французского автора нашего столетия, склонного пофилософствовать, с Руссо? Делёз не счел нужным уточнить свое замечание...

Впрочем, г-ну Делёзу трудно уточнить, в чем именно видит он сходство между Руссо и Понжем — современным поэтом, близким к сюрреализму, и автором ряда философских работ, в которых ничто не предвещает возможность сравнения с философией Руссо.

Есть и еще одно сравнение, не упомянутое в заголовке статьи: кроме Кафки, Селина и Понжа, Руссо напоминает Делёзу Канта тем, что оба они чудачки. На эту мысль его наводит английский романтик Т. де Квинси, автор известного эссе «Последние дни Эммануила Канта». Великий мыслитель изображен де Квинси как некий гофмановский персонаж, печальный и трагический гротеск. Видимо, редакция «Ар» решила, что Кант — не столь лестное соседство для Руссо, как Кафка, Селин и Понж.

Но хватит смеяться по поводу статейки Делёза. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»... Добавим — и гнусно. Гнусно, потому что нельзя вязать в статью о Руссо сравнение с фашистским писакой, с одной из самых смрадных фигур французской литературы середины

XX века. Гнусно, потому что разговор о больном мочевом пузыре и больных ушах Руссо выдается за компетентное мнение молодого и многообещающего философа, как аттестован Делёз редакцией «Ар». Гнусно, потому что великая национальная традиция французского народа, усвоенная затем всем человечеством, становится предметом безответственной болтовни. Это и есть уровень сознания г-на Делёза и его покровителей, почтивших память Руссо статейкой, где великий писатель вновь — и в который раз — объявлен чудачком, лицемером и эгоцентриком.

Статья Делёза заканчивается оброненным вскользь замечанием о пользе чтения «Общественного договора». Да, это — полезное чтение. Но не менее полезно читать и другие сочинения Руссо, в частности, те, в которых он говорит о своих многочисленных врагах, клеветавших на него и нередко при этом выдававших себя за его друзей — точь-в-точь как это делает г-н Делёз.

Конечно, при этом возникает вопрос: кому же нужно подобное разглагольствование о Руссо? Г-ну Делёзу? Возможно. Но не только ему и не ему в первую очередь. Такие статейки, «подтягивающие» великих демократов прошлого к «современному уровню», нужны хозяевам того самого общества, пороки и мерзости которого обличал Руссо — и с такой силой, что даже в наши дни кое-кто пытается превратить великого женева в смешного себялюбца, в желчного больного человека, истолковать его великие мысли, как смесь патологии и несбыточных фантазий.

Так выглядит великий человек Руссо в изображении диллупута, считающего себя наследником и интерпретатором его идей.

